Археология советского: Самокритика в СССР

Валерий Отяковский

От составителя

СОВЕТСКАЯ САМОКРИТИКА КАК САБОТАЖ ПОКАЯННОГО ДИСКУРСА

Valerii Otiakovskii

From the Compiler. Soviet *Samokritika* as a Sabotage of Repentant Discourse

Валерий Отяковский (Тартуский университет; докторант кафедры русской литературы) valerii.otiakovskii@ut.ee.

DOI: 10.53953/08696365_2022_177_5_72

Valerii Otiakovskii (PhD student of the Department of Slavic Studies, University of Tartu) valerii.otiakovskii@ut.ee.

DOI: 10.53953/08696365_2022_177_5_72

Только шурум-бурум да шахсей-вахсей.

М. Айзенберг

Одной из главных тем для российского интеллектуального сообщества в 2022 году стала тема вины. Разъедающее чувство ответственности за историческую катастрофу изменило модус существования для многих интеллектуалов, заставило искать иные основания для идентичности, потребовало пересборки, переосмысления прошлого опыта — личного и общественного. Самым естественным способом выражения этой вины кажется публичное ее принятие: практика важная и сегодня даже спасительная. «Покаяние как социальный институт» — так называлась лекция Э. Эпплбаум, посвященная тому, что в вызвавшей резонанс книге Н. Эппле обозначил как «неудобное прошлое». И эта лекция, и эта книга констатируют крах постсоветской дискуссии о прошлом, констатируют, что попытка диалога между общественным мнением, государственными институтами и тем самым интеллектуальным коммьюнити потерпела коммуникативную неудачу [Эпплбаум 2007; Эппле* 2020].

* Включен Минюстом РФ в реестр иностранных агентов.

Почему же в последние тридцать лет так и не сложился общественный консенсус насчет преступлений прошлого века? Почему мы оказались безмолвными и бездеятельными соучастниками новой катастрофы? Почему покаяние так и не стало социальным институтом? Ответов на эти вопросы можно найти немало, и материалы настоящего блока не претендуют на то, чтобы стать единственным объяснением публичной немоты. Но вполне возможно, что размышления о советской самокритике окажутся отчасти релевантными в этом обсуждении — эта практика выхолостила саму идею публичного покаяния, задав матрицу того, как (пост)советский субъект может спекулятивно интерпретировать собственную вину через отсутствие вины.

Советский субъект, о котором много говорилось в литературе последних лет, характеризуется некоторой шизофреничностью — его публичная репрезентация подразумевает глубоко укорененную двойственность собственной натуры. Это связано с тем, что любое высказывание в советском официальном пространстве подразумевало визави с государством, и от результатов этой коммуникации зависело физическое существование субъекта. Обмануть власть нельзя, но для нее можно создать «как бы лучшее воображение о самом себе, второе невидимое свое лицо», если воспользоваться формулой Ходасевича. Постепенно в советском обществе вырабатывались определенные клише, по канве которых можно подавать себя, объяснять свое происхождение и поступки. Например, Ю. Зарецкий показал, как этот процесс происходил на материале делопроизводственных автобиографий [Зарецкий 2019], — однако таких практик можно выделить довольно много, в некотором смысле из сложной их комбинации состояло все советское пространство, подразумевавшее взаимодействие с официальным дискурсом.

В разговоре о советском субъекте подразумевается субъект, сформированный сталинизмом. Тезис о самокритике был выдвинут Сталиным на XV съезде партии в конце 1927 года — по сути, он увенчал победу вождя над партийной оппозицией. Лозунг, превращающийся в практику, стал распространяться — важной вехой было Шахтинское дело, в котором самокритика играла не последнюю роль [Шарапов 2016], после чего практика распространилась благодаря рабкоровскому движению [Тюрин 2010]. Впрочем, стоит отметить, что в этой кампании под «самокритикой» понималось не покаяние, а «товарищеская» критика, то есть «критика снизу», способ саморегуляции рабочих коллективов, снимающий иерархические отношения между рабочим и его начальником, ведь оба они равны перед вертикалью партийной дисциплины, — не случайно Ф.-К. Нерар считает кампанию по самокритике 1927—1928 годов важным шагом в развитии советского доносительства [Нерар 2011: 80—97]. В это время инструмент самокритики только настраивается, проходит отладку — так, например, в это время в самокритических выступлениях (разумеется, на собраниях, а не в печати) еще возможно поднимать политические темы и связывать протест рабочих не с непосредственным начальством, а с неустройством всей системы в целом (о трансформации критики в самокритику см.: [David-Fox 1997: 128—133]). Знаком регуляции приема может служить, например, статья «Против опошления лозунга самокритики»[1].

1 *Сталин И.В.* Против опошления лозунга самокритики // Правда. 1928. № 146 (3978). 26 июня. С. 2.

В тридцатые годы наравне с «критикой снизу» понятие самокритики начинает включать и собственно покаяние, чаще всего выражаемое двумя способами — письмами во власть и публичными выступлениями[2]. На этой стадии самокритика охватывает всю вертикаль советского общества, включая партийную верхушку (ценный анализ самокритики членов ЦК через призму ритуала см. в: [Getty 1999]). Совсем неслучайно в это время мотив самообвинения активно разрабатывается в художественной литературе — эту тенденцию рассматривает статья Мариэтты Чудаковой [Чудакова 2001], хотя автор избегает понятия самокритики и анализирует этот процесс через бахтинскую категорию «самоотчета-исповеди». О самокритике в РАППе пишет Лоренц Эррен [Эррен 2002][3]. То же видно и в академическом сообществе — «Памятник научной ошибке» Шкловского давно стал и памятником самокритике, вообще формальный метод закончил свое существование именно официальным отречением[4], о котором немало рассуждает в записных книжках Лидия Гинзбург.

Как и во многих других случаях, ее дневники точно фиксируют складывающиеся практики формирующегося тоталитаризма. «На покаянии в Институте историк Р-ль[5] сказал: “Всякая чистка и проверка ценна для меня тем, что она нейтрализует то объективное зло, которое я представляю”» [Гинзбург 2002: 105]. Помимо подчеркнутой раздвоенности субъекта, в этой фразе принципиальна вера говорящего в то, что самокритика действительно очищает, освобождает от «греховности» исповедующегося. «Икс, собираясь 15-го выступить в ИРКе с докладом о “социальных корнях формализма”, говорит: “Надо иметь мужество признаваться в своих ошибках”. Б. сказал по этому поводу: “Я перестаю понимать, чем, собственно, мужество отличается от трусости”»

---

2 Тонкую нюансировку и разделение самокритического и покаянного дискурсов в настоящем блоке предлагает Л. Эррен.

3 Лоренц Эррен также защитил диссертацию «Selbstkritik und Schuldbekenntnis. Kommunikation und Herrschaft unter Stalin (1917—1953)» (Тюбинген, 2004).

4 См. материалы о практически синхронной самокритике украинских филологов, испытавших влияние формализма: [Бабак, Дмитриев 2021: 638—668].

5 Насколько нам известно, ранее эта конъектура не была раскрыта. Речь идет о медиевисте Николае Николаевиче Розентале, одном из участников Академического дела. См. о внезапной самокритике Розенталя в Ленинградском отделении Коммунистической академии: «...предполагая выступать в качестве обличителя, он совершенно не ожидал критики в свой адрес» [Майборода 2018: 153], скорее всего об этом и пишет Гинзбург. В более позднем покаянном письме историк аккуратнее раскрывает логику самообвинения: «Когда я работал над этой книгой, я субъективно чувствовал себя революционным марксистом гораздо более, чем в 1923—1924 гг. <...> Но объективно в моей “Истории Европы” много существенных недостатков. <...> Эти допущенные мною ошибки я понял и признал в прошлом году и теперь постоянно указываю на них своим ученикам. <...> Если в отношении к нашим классовым врагам у меня нет надлежащей большевистской ненависти, то это объясняется отнюдь не моими принципиальными колебаниями, но лишь пережитками буржуазно-интеллигентской психологии. Я стремлюсь к социализму и ненавижу капитализм, но в условиях конкретно-практической деятельности мне легче любить, чем ненавидеть. <...> В последнее время мои ученики все настойчивее и настойчивее спрашивают меня, почему я не с ними в партии, что удерживает меня от формального заявления о желании вступить в нее. Я отвечаю им: я еще не доверяю своей психологической подоплеке, я еще не до конца изжил в себе старого интеллигента, я еще не коммунист de facto, но думаю, что скоро стану им» [Зайдель, Цвибак 1931: 229].

[Там же: 100][6]. Возможность использовать самокритику таким образом отменялась вместе с раскручиванием маховика репрессий, параллельно с ритуализацией исчезала прагматика покаяния. Если в начале тридцатых у самокритикующегося еще была надежда на оправдание (случай Шкловского), то к концу тридцатых применимо сказанное Ш. Фицпатрик: «Советский ритуал “критики и самокритики” — в отличие, кажется, от его китайской коммунистической версии и тем более от аналогичных религиозных ритуалов в христианской традиции — не позволял кающемуся смыть свои “грехи”. Темные пятна оставались в личном деле, даже если в виде исключения самокритику признавали удовлетворительной. Именно потому, что в советской жизни в этом смысле не существовало второго шанса, так важно было, с одной стороны, скрывать определенные вещи, а с другой — заблаговременно предупреждать появление темного пятна, подчищая страницы биографии» [Фицпатрик 2011: 122][7]. Самым радикальным изводом этого феномена были допросы в период Большого террора, заканчивавшиеся самооговором (впрочем, разумеется, нельзя их считать традиционной формой рассматриваемого ритуала).

Окончательно самокритика лишается вариативности в позднем сталинизме, превращаясь в механизированную последовательность действий. Самокритика входит в более сложный ритуал «проработки» и именно в этом качестве включается в большие идеологические кампании, направленные против естественных наук (лысенковщина), против литературного (ждановщина) и гуманитарного сообществ (охота на космополитов)[8]. Советский субъект, прошедший через ад 1934—1945 годов, вынужденно участвует в этом ритуале, даже осознавая его роковую беспощадность. Вернемся к записным книжкам Гинзбург, но теперь 1957 года, когда она вспоминает события трехлетней давности:

> На провокационные вопросы английских туристов Зощенко ответил, что он не может признать правильным сказанное о нем в постановлении. Это сочли криминалом, и местные организации решили возобновить травлю. <...> Слова стали чистым сигналом административного действия. Событие, о котором шла речь, протекало в области полностью запредельной значащим словам и отраженным в них жизненным реалиям. Вот подлинная структура события, его костяк: абсолютная сила сочла нужным применить к такому-то первые попавшиеся — из своего словарного запаса — слова, пригодные в качестве сигналов уничтожения. По заведенному ритуалу такой-то должен был выслушать и покаяться. И тогда непогрешимая сила, которая объявила его подонком и изменником, быть может, объявит его человеком, признавшим свои ошибки. Всем участникам этой опасной игры известны ее правила, и они бешеным раздражением встречают любую попытку разбудить значение попутно употребляемых слов. Для них это бестактность и глупость — по меньшей мере. Зощенко выступил на общем собрании ленинградских писателей. Он говорил очень долго. Он мучительно бередил реальные смыслы слов. Объяснял, что человек может признать ошибки, но не может, не может признать, что он подлец, изменник. «Меня назвали предателем, трусом...» И он говорил о Георгиевском кресте, полученном за войну 14-го года. То,

---

6 ИРК — Институт речевой культуры; Икс — В.М. Жирмунский; Б. — Б.Я. Бухштаб.

7 Исповедальность самокритики анализирует в терминах веберовской социологии К.-Г. Ригель [Ригель 2002].

8 Подробнее см.: [Дружинин 2012; Kojevnikov 1998], а также статью Д. Цыганова в настоящем блоке.

что он говорил, дышало неосуществленным самоубийством. Его слушали напряженно. Этот монолог утолял томившую тогда жажду очищения[9] [Гинзбург 2002: 209—210].

Отметим, как меняется способ разговора о самокритике: прежде фиксировались формируемые черты жанра в ряде отдельных выступлений (мы привели не все записи Гинзбург по этому поводу), теперь внимательно анализируется отступление от сложившейся практики; прежде в записях сквозила ирония над деловым цинизмом кающихся, которые верят, что неприятная процедура снимает с них вину, теперь — трагизм «неосуществленного самоубийства»: писатель, осознавший, что травля продолжится вне зависимости от его поведения на проработке, предпочитает сломать парадигму ритуала[10]. Еще при жизни Сталина самокритика осознается как феномен, заслуживающий изучения со стороны западных славистов, самые ранние из известных нам работ относятся к началу 1950-х годов [Inkeles 1950: 194—222; Inkeles, Geiger 1952][11].

Следить за дальнейшими трансформациями ритуала довольно сложно[12] — с концом сталинской эпохи самокритика исчезает как стержневое понятие больших идеологических кампаний и в качестве устоявшейся практики встраивается в более сложный ритуал проработки[13]. Более того, развитие диссидентского движения и окончательное обветшание сталинских риторических форм привели к тому, что обвиняемые могли проигнорировать самокритическую часть или вообще выступить с самооправданием — за что в конце тридцатых можно было поплатиться жизнью. Так, Е.Г. Эткинд, отказавшись присутствовать на собственных проработках, что уже было мощной деконструкцией ритуала, прислал собравшимся письмо, в тексте которого отсутствует признание вины. Такое поведение настолько выбивается из правил ритуала, что единственный комментарий к нему дает голос из зала: «Иезуитское письмо!» (см.: [Эткинд 1977: 61])[14], после чего проработка продолжается по накатанным рельсам жанра. Понятно, что такие приемы были исключениями, но подобные

9 Стенограмму выступления Зощенко см. в: [Томашевский 1988: 181—183]. Среди прочего писатель говорит: «И на что вам мое формальное признание? Я буду говорить так, как я думаю, — только тогда можно полностью понять, что представляет собой человек» [Там же: с. 182].

10 Отметим, что столь же скандально ощущался отказ от травли со стороны «нападающих», например выступление Н.И. Мордовченко в защиту Г.А. Гуковского вместо еще одной атаки на него: [Дружинин 2012, 2: 377].

11 Кент Гейгер также защитил магистерскую диссертацию «The Nature and Development of Self-Criticism in Letters to the Editor in the Soviet Union» (Гарвард, 1950).

12 Поэтому обретают особую ценность case study. См., например: [Fahey 1982]. К.А. Богданов заметил, что вместо статей Сталина в позднесоветскую эпоху дискурс самокритики фундируется на высказываниях Ленина, но это не влияет на суть самой практики [Богданов 2009: 41]. О дискурсивных основаниях позднесоветской самокритики см.: [Хархордин 2016: 178].

13 Сама практика проработки существовала как минимум с середины 1920-х, однако, судя по всему, окончательно сформировалась в виде ритуала в позднесталинское время (см., например: [Димке 2012; Тихонов 2016: 264—265]).

14 В том же издании см. стенограмму суда над И.А. Бродским, которую можно интерпретировать как еще одну проработку с неудавшейся самокритической составляющей. Естественно, у судебного выступления есть свои особенности, но конкретно этот процесс максимально приближается к указанному ритуалу. Нельзя забывать, что у истоков самокритики стоит идея неформальной псевдоюридической процедуры («товарищеские суды» и проч.).

остранения демонстрируют автоматизацию почти абсолютного большинства схожих мероприятий.

Именно как аппендикс сталинского дискурса, знак пустой, но обязательный, самокритика воспринималась в постоттепельный период и, по нашей гипотезе, дискредитировала дискурс публичного покаяния в постсоветском социуме. Если перестройка еще поднимала дискуссии, связанные с принятием личного и общественного прошлого (см., например, фильм Тенгиза Абуладзе «Покаяние» (1984) и дискуссию вокруг него, а также сборник «Развитие критики и самокритики в условиях перестройки» [Бацева и др. 1988]), то ресентимент девяностых, сменившийся «стабильностью» спекулятивного консерватизма, окончательно уничтожил механизмы работы с исторической памятью — недаром круглый стол, посвященный юбилею фильма Абуладзе, носил название «Двадцать лет без “Покаяния”» [Двадцать лет 2004][15].

Социальные практики советского периода оставили очень глубокий след в обществе уже российском. Не желая прибегать к термину левадовской социологии «homo soveticus» с его элитистским флером самоотграничения [Габович 2010; Магун, Архангельский 2017; Титков 2019], обратим внимание на парадигму, которую предложил О. Хархордин. Изучая в советских социальных практиках истоки российской личности, исследователь определяет свою задачу как «генеалогическую реконструкцию логики настоящего» [Хархордин 2016: 13]. Среди релевантных для его предмета практик автор уделяет важное место самокритике, правда, анализируя скорее способ регуляции внутри коллектива, а не покаянные выступления. Однако выводы исследования возвращают именно к последним, продлевая историю самокритики и в дореволюционную эпоху:

> ...центральные практики субъективации в России сформировались на основе покаянных практик самопознания, характерных для восточного христианства, а не на основе исповедального анализа личности, который Фуко описал как центральную субъективирующую практику для Франции. <...> Личность в России узнает себя не в результате анализа желаний, а в результате обличения ее значимой для нее группой, которая обозревает дела отдельного человека и тем выводит его личность налицо — или, как сказал бы Хайдеггер, в наличное существование [Там же: 474].

Работы нашего блока вполне укладываются в этот концепт и пристально рассматривают несколько сюжетов из истории советской самокритики.

В статье **Лоренца Эррена** «О происхождении некоторых особенностей советской партийной публичной сферы. Подданный сталинского режима и “самокритика” в 1930-е годы» полемически разграничиваются идеологема «самокритика» и практика покаяния, прослеживается генеалогия центрального для нашего блока понятия, а также анализируются несколько показательных примеров самокритических выступлений среди представителей официального дискурса.

---

15 Юрий Богомолов в ходе дискуссии заметил: «В фильме “Покаяние” идет постоянная борьба с символами (труп злодея выкидывают из могилы, выставляют, а потом снова закапывают, выкапывают и снова выставляют). Тогда, в 85—86 годах, казалось, что достаточно выкинуть этот мерзкий труп на помойку — и все само собой наладится. Так вот, два прошедших десятилетия показали, что все гораздо сложнее. Символы въелись уже в тело народа, в его сознание. Они сидят, живут там» [Двадцать лет 2004: 119].

В публикации **Валерия Отяковского** «Между самокритикой и самооправданием: случай Юрия Перцовича» излагается эпизод из относительно раннего (до Большого террора) бытования покаянных практик: интеллигент-трикстер, оказавшийся в 1933 году в ситуации преследования, обращается к самокритике, рассчитывая на ее «очищающий эффект», но быстро понимает, что этот эффект иллюзорен, и переключается в режим (полу)официального самооправдания.

В публикации **Владимира Турчаненко** «Подводя итоги советского пушкиноведения: доклад Н.К. Пиксанова на Пушкинской конференции 1937 года» анализируется интересный пример выступления, которое балансирует на грани между «товарищеской критикой» и партийным взысканием. При близком рассмотрении позиции Пиксанова в пушкиноведческом сообществе оказывается, что его юбилейный, официальный доклад связан с его последовательным саботажем проектов, связанных с Пушкиным. Это раскрывает детали борьбы за институциональную власть над складывающимся историко-литературным каноном.

Наконец, **Дмитрий Цыганов** в статье «От самокритики к самоуничтожению: реорганизация советского эстетического канона в эпоху позднего сталинизма» отходит от формата case studies и пытается на широком материале послевоенной литературы и литературной критики проследить роль концепта самокритики в трансформации эстетических норм официальной словесности 1950-х годов.

Этот блок статей задумывался еще в 2021 году, и тогда он имел совсем другой вид. Его инициатором выступила Галина Бабак, а среди участников должен был быть Андрей Портнов — специалисты по украинской интеллектуальной истории, блестящие ученые и подвижники своего дела. К сожалению, в феврале 2022 года они отказались от дальнейшего участия в блоке, их работы со временем будут опубликованы в западных изданиях. Разорванные академические связи лишь одно из очень многих последствий той катастрофы, к которой привел многолетний кризис публичного коммуникативного пространства в современной России, пространства, которое включает в том числе и дискурс покаяния.

Автор глубоко признателен Кириллу Кобрину и Роману Лейбову, с которыми обсуждались положения этого введения к блоку. За библиографические справки благодарю Павла Майбороду, Дмитрия Цыганова и Александру Пахомову.

Библиография / References

[Бабак, Дмитриев 2021] — *Бабак Г., Дмитриев А.* Атлантида советского нацмодернизма: Формальный метод в Украине (1920-е — начало 1930-х). М.: Новое литературное обозрение, 2021.

(*Babak G., Dmitriev A.* Atlantida sovetskogo natsmodernizma: Formal'nyy metod v Ukraine (1920-e — nachalo 1930-kh). Moscow, 2021.)

[Бацева и др. 1988] — Развитие критики и самокритики в условиях перестройки / Сост. И. Бацева и др. Новосибирск: [Б.и.], 1988.

(Razvitie kritiki i samokritiki v usloviyakh perestroyki / Comp. by I. Baceva et al. Novosibirsk, 1988.)

[Богданов 2009] — *Богданов К.А.* Vox populi: Фольклорные жанры советской культуры. М.: Новое литературное обозрение, 2009.

(*Bogdanov K.A.* Vox populi: Fol'klornye zhanry sovetskoy kul'tury. Moscow, 2009.)

[Габович 2010] — *Габович М.* К дискуссии о теоретическом наследии Юрия Левады // Воспоминания и дискуссии о Юрии

Александровиче Леваде / Сост. Т.В. Левада. М.: Издатель Карпов Е.В., 2010. С. 340—366.

(*Gabovich M.* K diskussii o teoreticheskom nasledii Yuriya Levady // Vospominaniya i diskussii o Yurii Aleksandroviche Levade. Moscow, 2010. P. 340—366.)

[Гинзбург 2002] — *Гинзбург Л.Я.* Записные книжки. Воспоминания. Эссе. СПб.: Искусство-СПб, 2002.

(*Ginzburg L.Ja.* Zapisnye knizhki. Vospominaniya. Esse. Saint Petersburg, 2002.)

[Двадцать лет 2004] — [*Д. Дондурей, М. Козаков, Ю. Богомолов, А. Шпагин, К. Разлогов, В. Дашкевич, В. Матизен, Г. Бардин, А. Гельман, Р. Балаян, В. Черных*]. Двадцать лет без «Покаяния» // Искусство кино. 2004. № 11. С. 117—129.

([*D. Dondurej, M. Kozakov, Ju. Bogomolov, A. Shpagin, K. Razlogov, V. Dashkevich, V. Matizen, G. Bardin, A. Gel'man, R. Balajan, V. Chernyh*]. Dvadtsat' let bez "Pokayaniya" // Iskusstvo kino. 2004. № 11. P. 117—129.)

[Димке 2012] — *Димке Д.* Жизнь по законам искусства: утопическое зрение и героические сообщества (на примере коммуны юных фрунзенцев) // Социология власти. 2012. № 4—5. С. 111—138.

(*Dimke D.* Zhizn' po zakonam iskusstva: utopicheskoe zrenie i geroicheskie soobshchestva (na primere kommuny yunykh frunzentsev) // Sotsiologiya vlasti. 2012. № 4—5. P. 111—138.)

[Дружинин 2012] — *Дружинин П.А.* Идеология и филология. Ленинград, 1940-е годы: Документальное исследование. В 2 т. М.: Новое литературное обозрение, 2012.

(*Druzhinin P.A.* Ideologiya i filologiya. Leningrad, 1940-e gody: Dokumental'noe issledovanie. Vol. 1—2. Moscow, 2012.)

[Зайдель, Цвибак 1931] — *Зайдель Г., Цвибак М.* Классовый враг на историческом фронте. М.; Л.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1931.

(*Zajdel' G., Cvibak M.* Klassovyy vrag na istoricheskom fronte. Moscow; Leningrad, 1931.)

[Зарецкий 2019] — *Зарецкий Ю.П.* Моя жизнь для Государства: массовая практика составления делопроизводственных автобиографий советскими людьми // Новое литературное обозрение. 2019. № 157. С. 107—127.

(*Zareckij Ju.P.* Moya zhizn' dlya Gosudarstva: massovaya praktika sostavleniya deloproizvodstvennykh avtobiografiy sovetskimi lyud'mi // Novoe literaturnoe obozrenie. 2019. № 157. P. 107—127.)

[Магун, Архангельский 2017] — *Магун А., Архангельский А.* Советская философская школа: опыт свободы // Диалоги ОБ. Четвертый сезон. 2017. 25 марта (http://www.open-lib.ru/dialogues/arkhangelsky-magun (дата обращения: 17.04.2022).)

(*Magun A., Arhangel'skij A.* Sovetskaya filosofskaya shkola: opyt svobody // Dialogi OB. Chetvertyy sezon. 2017. March 25 (http://www.open-lib.ru/dialogues/arkhangelskymagun (accessed: 17.04.2022)).)

[Майборода 2018] — *Майборода П.А.* Н.Н. Розенталь в первые послереволюционные десятилетия: неудачная попытка адаптации или столкновение двух враждующих традиций? // Европейские традиции в истории высшей школы в России: от доуниверситетской модели к университетам: Сб. ст. / Сост. В.В. Грохотова, Н.В. Салоников. Великий Новгород: Новгород. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого, 2018. С. 145—157.

(*Majboroda P.A.* N.N. Rozental' v pervye poslerevolyutsionnye desyatiletiya: neudachnaya popytka adaptatsii ili stolknovenie dvukh vrazhduyushchikh traditsiy? // Evropeyskie traditsii v istorii vysshey shkoly v Rossii: ot douniversitetskoy modeli k universitetam: Coll. of art. / Comp. by V.V. Grokhotova, N.V. Salonikov. Velikiy Novgorod, 2018. P. 145—157.)

[Нерар 2011] — *Нерар Ф.-К.* Пять процентов правды: Разоблачение и доносительство в сталинском СССР (1928—1941) / Пер. с фр. Е.И. Балаховская. М.: Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина»; Рос. полит. энцикл., 2011.

(*Nerard F.-X.* Cinq pour cent de vérité: La dénonciation dans l'URSS de Staline (1928—1941). Moscow, 2011. — In Russ.)

[Ригель 2002] — *Ригель К.-Г.* Ритуалы исповеди в сообществах виртуозов. Интерпретация сталинской критики и самокритики с точки зрения социологии религии Макса Вебера / Пер. с англ. А.В. Тавровского // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. № 3. С. 108—129.

(*Riegel K.-G.* Rituals of Confession within Communities of virtuosi: An Interpretation of the Stalinist Criticism and Self-criticism in the Perspective of Max Weber's Sociology of Religion // ZhSSA. 2002. № 3. P. 108—129. — In Russ.)

[Тихонов 2016] — *Тихонов В.В.* Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х — 1953 г.). М.; СПб.: Нестор-История, 2016.

(*Tihonov V.V.* Ideologicheskie kampanii "pozdnego stalinizma" i sovetskaya istoricheskaya nauka (seredina 1940-kh — 1953 g.). Moscow; Saint Petersburg, 2016.)

[Титков 2019] — *Титков А.С.* Призрак советского человека // Социология власти. 2019. Т. 31. № 4. С. 53—94.

(*Titkov A.S.* Prizrak sovetskogo cheloveka // Sotsiologiya vlasti. 2019. Vol. 31. № 4. P. 53—94.)

[Томашевский 1988] — *Томашевский Ю.* «Писатель с перепуганной душой — это уже потеря квалификации». М.М. Зощенко: письма, выступление, документы // Дружба народов. 1988. № 3. С. 168—189.

(*Tomashevskij Ju.* "Pisatel' s perepugannoy dushoy — eto uzhe poterya kvalifikatsii". M.M. Zoshhenko: pis'ma, vystuplenie, dokumenty // Druzhba narodov. 1988. № 3. P. 168—189.)

[Тюрин 2010] — *Тюрин А.О.* «Критика снизу» на предприятиях и организациях Нижневолжского региона во второй половине 1920-х — первой половине 1930-х гг. // Вестник РУДН. История России. 2010. № 3. С. 55—67.

(*Tjurin A.O.* "Kritika snizu" na predpriyatiyakh i organizatsiyakh Nizhnevolzhskogo regiona vo vtoroy polovine 1920-kh — pervoy polovine 1930-h gg. // Vestnik RUDN. Istoriya Rossii. 2010. № 3. P. 55—67.)

[Хархордин 2016] — *Хархордин О.В.* Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2016.

(*Harhordin O.V.* Oblichat' i litsemerit': genealogiya rossiyskoy lichnosti. Saint Peterburg, 2016.)

[Фицпатрик 2011] — *Фицпатрик Ш.* Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века / Пер. с англ. Л.Ю. Пантиной. М.: РОССПЭН, 2011.

(*Fitzpatrick Sh.* Tear off the masks! Identity and imposture in twentieth-century Russia. Moscow, 2011. — In Russ.)

[Чудакова 2001] — *Чудакова М.О.* Судьба «самоотчета-исповеди» в литературе советского времени (1920-е — конец 1930-х) // Чудакова М.О. Избранные работы. Т. 1: Литература советского прошлого. М.: Языки русской культуры, 2001. С. 393—420.

(*Chudakova M.O.* Sud'ba "samootcheta-ispovedi" v literature sovetskogo vremeni (1920-e — konets 1930-kh) // Chudakova M.O. Izbrannye raboty. Vol. 1: Literatura sovetskogo proshlogo. Moscow, 2001. P. 393—420.)

[Шарапов 2016] — *Шарапов С.В.* Значение кампании самокритики в контексте «Шахтинского дела» 1928 г. // Исторический ежегодник. 2016: Сб. науч. тр. / Гл. ред. А.Х. Элерт. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН; Параллель, 2016. С. 32—43.

(*Sharapov S.V.* Znachenie kampanii samokritiki v kontekste "Shakhtinskogo dela" 1928 g. // Istoricheskiy ezhegodnik. 2016: Coll. of sci. art. / Ed. by A.H. Jelert. Novosibirsk, 2016. P. 32—43.)

[Эпплбаум 2007] — *Эпплбаум Э.* Покаяние как социальный институт // Полит.ру. 2007. 7 июня (https://m.polit.ru/article/2007/06/07/pokayanie (дата обращения: 17.04.2022)).

(*Jepplbaum Je.* Pokayanie kak sotsial'nyy institut // Polit.ru. 2007. June 7 (https://m.polit.ru/article/2007/06/07/pokayanie (accessed: 17.04.2022)).)

[Эппле* 2020] — *Эппле Н.В.** Неудобное прошлое. Память о государственных преступлениях в России и других странах. М.: Новое литературное обозрение, 2020.

(*Epple N.V.** Neudobnoe proshloe. Pamyat' o gosudarstvennykh prestupleniyakh v Rossii i drugikh stranakh. Moscow, 2020.)

[Эррен 2002] — *Эррен Л.* «Самокритика своих собственных ошибок». Истоки покаянных заявлений в среде партийных литературных интеллектуалов // Культура и власть в условиях коммуникационной революции XX века / Ред. К. Аймермахер, Г. Бордюгов, И. Грабовски. М.: Аиро-XX, 2002. С. 50—65.

(*Erren L.* "Samokritika svoikh sobstvennykh oshibok". Istoki pokayannykh zayavleniy v srede partiynykh literaturnykh intellektualov // Kul'tura i vlast' v usloviyakh kommunikatsionnoy revolyutsii XX veka. Moscow, 2002. P. 50—65.)

[Эткинд 1977] — *Эткинд Е.Э.* Записки незаговорщика. Лондон: Overseas publications interchange, 1977.

(*Etkind E.Je.* Zapiski nezagovorshhika. London, 1977.)

[David-Fox 1997] — *David-Fox M.* Revolution of the Mind: Higher Learning among the Bolsheviks, 1918—1929. Ithaca: Cornell University Press, 1997.

[Fahey 1982] — *Fahey J.* Soviet "Samokritika" in "Krokodil": A Twelve-Year Comparison 1966—1978 // Russian Language Journal. 1982. Vol. 36. № 123/124. P. 271—273.

[Getty 1999] — *Arch Getty J.* Samokritika. Rituals in the Stalinist Central Committee, 1933—38 // The Russian Review. 1999. Vol. 58. № 1. P. 49—70.

[Inkeles 1950] — *Inkeles A.* Public Opinion in Soviet Russia: A Study in Mass Persuasion. Cambrige: Harvard University Press, 1950.

[Inkeles, Geiger 1952] — *Inkeles A., Geiger K.* Critical Letters to the Editors of the Soviet Press: Areas and Modes of Complaint // American Sociological Review. 1952. Vol. 17. № 6. P. 694—703.

[Kojevnikov 1998] — *Kojevnikov A.* Rituals of Stalinist Culture at Work: Science and the Games of Intraparty Democracy circa 1948 // The Russian Review. 1998. Vol. 57. № 1. P. 25—52.

---

* Включен Минюстом РФ в реестр иностранных агентов.